

ИЗ ОПЫТА ВОСПИТАНИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Подготовка офицеров в России в последней четверти XIX - начале XX вв. проходила в несколько этапов. Первой ступенью к высокому званию офицера были кадетские корпуса, средние учебные заведения с военным режимом. С апреля 1882 г. минимальный возраст для поступления в 1-й класс составлял 10 лет. По вносимой плате все воспитанники подразделялись на казеннокоштных, обучавшихся за счет государства, своекоштных, за которых платили родственники или опекуны, и стипендиатов, получивших необходимые средства от различных организаций и частных благотворителей. Правила приема в кадетские корпуса предоставляли преимущества офицерским детям, что обеспечивало сохранение семейных традиций и делало зачастую профессию офицера наследственной. Так, все кандидаты, претендовавшие на казенные вакансии, распределялись на 13 разрядов, по очередности которых они допускались к вступительному экзамену. В первый разряд входили сыновья генералов, штаб- и обер-офицеров, убитых на войне или умерших от ран, полученных во время военных действий, а также дети погибших на войне чиновников гражданских ведомств, если они принадлежали к потомственному дворянству. Во второй разряд входили круглые сироты, дети офицеров, погибших в мирное время. В третий - сыновья кавалеров ордена св. Георгия всех степеней. Замыкающий список тринадцатый разряд включал просто сыновей обер-офицеров, военных священников и чиновников военного ведомства [1, с. 60]. В дальнейшем такой принцип приема и система вступительных экзаменов претерпевала ряд нововведений, которые были призваны не допустить попадание в корпуса людей случайных, идущих на военную службу ради привилегий и личной выгоды. Обучение в кадетских корпусах продолжалось семь лет, после чего выпускники имели возможность продолжить обучение в военных училищах.

В конце 1880-х гг. для укомплектования русской армии существовали училища двух типов: военные и юнкерские. Эти училища являлись следующей ступенью, которую проходил будущий офицер. Право поступления в военные училища предоставлялось юношам, окончившим кадетские корпуса. Юнкерские училища предназначались для молодых людей "со стороны" - всех категорий и сословий. Большинство поступавших не имело законченного среднего образования, что придавало этим училищам характер второсортности. Выпускникам военных училищ сразу присваивалось звание офицера, и они имели право самостоятельно выбрать род войск для дальнейшего прохождения службы. Юнкерские же училища выпускали своих воспитанников только в пехоту и кавалерию в звании среднем между офицерским и сержантским, и только впоследствии бывшие юнкера производились в офицеры. В дальнейшем, путем постепенных реформ перед Первой мировой войной, в 1911 г. все училища стали "военными", и русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского [2, с. 93].

С первых дней обучения в кадетских корпусах и училищах будущий офицер воспитывался в представлениях о благородстве и почетности своей миссии, в сознании своей высокой роли в жизни страны. Представления о благородстве военного дела имели давние традиции, идущие с XVII в. Именно на осознании своей миссии зиждилось представление офицера о его положении в обществе: "Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству" [3, с. 286]. Гордость за свою профессию рассматривалась как одно из самых важных качеств офицера. Военные публицисты того времени отмечали: "нигде жажда славы и истинное честолюбие, а не тщеславие, так не важно, как в офицерском кадре. Служба военная в денежном отношении, безусловно, невыгодна и вознаграждает лишь того, кто

увлечен военной славой, и для кого роль руководителя кажется заманчивой и соединена с ореолом величия", "нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, - офицер, которого ни за какое жалование нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось ему скучным, неприветливым, совершенно чуждым его сердцу" [цитата по: 3, с. 288].

Подавляющее большинство воспитанников учебных заведений не представляли своей жизни без армии и всецело были преданны своей профессии и мундиру. С особым трепетом воспитанники относились к своей форме, ношение которой расценивалось ими как принадлежность к особой благородной корпорации. Неслучайно самым позорным наказанием среди кадет считалось снятие погон. Так, в псковском кадетском корпусе в 1887 г. кадет 4-го класса совершил серьезный проступок: нанес оскорбление офицеру-воспитателю. Когда виновному объявили, что с него снимут погоны, он заплакал и просил отправить его в Ярославскую школу, но не снимать погон. При этом надо заметить, что Ярославская школа была учебным заведением низшего разряда, и перевод в нее имел бы гораздо более серьезные последствия, нежели временное лишение погон. Другой выпускник Сумского кадетского корпуса Д. де-Витт вспоминал: "кадет со срезанными погонами в строй становится не смел и ходил сзади отдельно, ел за отдельным столом, сидел один на парте, товарищи его сторонились, он был обесчещен" [1, с. 68].

С юных лет воспитанники кадетских корпусов усваивали принципы товарищества и дружеской спайки, распространенным проявлением которых было сокрытие проступков друг друга. Даже в том случае, если какой либо кадет наносил товарищу обиду, жаловаться воспитателю считалось позорным. Доносчики ставились самими кадетами на "красное положение", т.е. с ними никто не разговаривал. А.И. Деникин писал: "Особенно крепко держались традиции товарищества. Сам погибай, но товарища выручай - эта заповедь суворовско-драгомировской науки находила отражение в маленьком масштабе и в мирных условиях училищной жизни. Во всяком случае, в одном ее проявлении - не выдавать" [4, с. 261]. Доносительство не поощрялось и большинством служивших в корпусах педагогов. В инструкции по воспитательной части 1886 г. отмечалось: "не следует вызывать явные, а тем более тайные, показания товарищей друг на друга" [1, с. 78]. Подобный воспитательный подход способствовал развитию у кадет и юнкеров честности и порядочности, но она же затрудняла поиск виновных. В случае группового нарушения дисциплины, весьма сложно найти зачинщика, наказывать всех воспитанников не разбирая правого и виноватого, считалось не педагогичным, так как порождало озлобленность в душах кадет и значительно снижало авторитет воспитателя [1, с. 78-79].

Наравне с доносительством, в среде воспитанников военных заведений презиралась любая форма лести и угодливости перед командирами. А.И. Деникин отмечал: "Самой непереносимой чертой характера в глазах юнкеров считалось подхалимство перед начальством" [4, с. 260]. Угодничество перед начальством и доносительство в офицерской среде пользовалось величайшим презрением. Последнее вовсе было невозможно, т.к. начиная с кадетского корпуса, правило "не фискаль" считалось краеугольным камнем поведения будущего офицера и с понятиями офицерской чести было абсолютно несовместимо. Человек, погрешивший против него, становился парией, и товарищи к нему относились с величайшим презрением [5]. Эти нормы межличностных отношений прочно усваивались в сознании кадет и юнкеров и тщательно сохранялись в офицерской жизни.

Наряду со стремлением к военной службе кадетам была характерна корпоративность. Этому способствовало как их однородное происхождение, так и целенаправленная деятельность наставников. Военный педагог А.Д. Бутовский в 1908 г. отмечал, что одной из важнейших целей воспитательной работы в корпусах должно быть формирование "людей, способных к корпоративному единению" [1, с. 69-70]. Педагоги прилагали много усилий для того, чтобы сплотить кадет и нивелировать проявления имущественного неравенства среди них. С этой целью воспитанникам не разрешалось приносить в корпус из отпуска игрушки, носить украшения, шить форму за свой счет. Сведения об отношениях между воспитанниками и степень их сплоченности в обязательном порядке заносились в отчеты воспитателей и аттестаты отдельных кадет. Один из

выпускников орловского корпуса отмечал: "Кадетская спайка всегда основывалась на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую историческую фамилию и носящий самую ординарную, богатый и бедный, русский, грузин, черкес, армянин или болгарин, все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными" [1, с. 70].

Трепетная любовь воспитанников учебных военных заведений к форме, традициям, ко всему военному имела и такую обратную сторону, как неприязнь, даже презрение к штатским, и в особенности к своим сверстникам из гражданских учебных заведений. Неоднократно случались столкновения, и даже драки между кадетами и гимназистами [1, с. 68-69]. Аналогичное противостояние юнкеров и гражданских отмечал в своих мемуарах А.И. Деникин: "Самовольное нарушение порядка, как, например, самовольная отлучка или рукопашный бой с "вольными", с употреблением в дело штыков, где-нибудь в Ямках, когда надо было выручать товарищей или "поддержать юнкерскую честь" - встречали полное одобрение в юнкерской среде [4, с. 259]. Негативное отношение к гражданской молодежи усилилось в среде воспитанников военных заведений в результате систематической критики либеральной прессы в адрес офицерства. Генерал Е.И. Мартынов отмечал в 1904 г.: "С кафедры, в литературе и прессе систематически проводятся взгляды, что патриотизм не достоин современного "интеллигента", война есть остаток варварства, армия главный тормоз прогресса... Логическим выводом из такого мирознания является полное отрицание всяких воинских доблестей и презрение к военной службе, как глупому и вредному занятию" [6]. Подобную пагубную тенденцию для авторитета армии и офицерства отмечали и другие видные военные деятели [7]. Наиболее сильно неприязнь юнкеров и кадет к гражданской молодежи проявилась в годы первой русской революции, когда накал социальных страстей неоднократно приводил к боевым столкновениям. Так, 7 февраля 1905 г. во Пскове состоялась массовая демонстрация учащейся молодежи, сочувственно относящейся к революционному движению. Среди ее участников были воспитанники мужской гимназии, реального и земельного училищ и др. Гимназисты предлагали кадетам присоединиться к манифестации, однако проникнуть в само здание им не удалось. Когда же начался разгон демонстрации, кадеты старших классов по собственной инициативе приняли в нем активное участие. В произошедшем побоище один кадет был ранен камнем в голову и два гимназиста избиты прикладами учебных кадетских винтовок [8, с. 112]. Аналогичные стычки происходили по всей России. События 1905-1907 гг. четко выявили различия во взглядах воспитанников гражданских и военных учебных заведений. Последние в большинстве своем продемонстрировали полное неприятие демократических и даже либеральных идей.

Военное воспитание способствовало тому, что кадеты и юнкера были невосприимчивы к революционным идеям. Во многом этому способствовал закрытый тип обучения и тщательно подбираемая литература в библиотеках военных заведений, лишенная любых политических тем. Но фактическое отсутствие политического воспитания в военных учебных заведениях сказалось крайне негативно на будущих офицерах. А.И. Деникин в книге "Путь русского офицера" отмечал: "Русская жизнь тогда бурлила, но все так называемые "проклятые вопросы", вся "политика" - понятие, под которое подводилась вся область государственного и социальных знаний проходили мимо нас... Военная школа уберегла своих питомцев от духовной немочи и от незрелого политиканства. Но сама не помогла им разобраться в сонме вопросов, всколыхнувших русскую жизнь. Этот недочет должно было восполнить самообразование. Многие восполнили, но большинство не удосужилось... Недостаточная осведомленность в области политических течений, и особенно социальных вопросов, русского офицерства сказала уже в дни первой революции. А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой, спасавав даже перед солдатской полунинтеллигенцией, натасканной в революционном подполье" [2, с. 99-101]. Отсутствие должного политического воспитания в военных учебных заведениях имело очень серьезные последствия в судьбе русского офицерства.

После юнкерских и военных училищ важной воспитательной школой для офицера являлся полк, который по достоинству становился второй семьей. В полку продолжало культивировать-

ся чувство офицерской солидарности. Здесь важное место занимала этика общения между начальниками и подчиненными. Как писал один из известных военных публицистов, "в то время как люди дурного тона жмутся, чувствуют себя связанными в присутствии лиц, имеющих власть, люди, воспитанные в духе разумной дисциплины, держат себя с начальством совершенно непринужденно, исполняя все дисциплинарные тонкости по рефлексу. Идея военного братства только и может осуществляться в том обществе, где начальники не рискуют натолкнуться на бестактность подчиненных, а подчиненные - на резкость со стороны начальников. Истинная дисциплина именно к этому и ведет; ее девиз: отдай начальнику весь положенный долг и умей при этом держать себя с гордым сознанием своего офицерского достоинства" [3, с. 293]. Философ И.А. Ильин весьма ярко определил такое положение "искусством повиноваться без унижения" [9, с. 92]. А Л.О. Бек-Софиев так сформулировал эту проблему: "Умение не растеряться, смело и разумно, не нарушая дисциплины, возразить на резкое или грубое замечание начальника, вот моральное достоинство русского офицера" [10].

Офицерская среда очень чутко реагировала на проявления предвзятости и несправедливости со стороны начальства и по достоинству ценила поступки, отвечающие понятиям офицерского равенства. Командиры, руководившие этим чувством, пользовались большой популярностью среди офицерства. Когда, например, командовавшему войсками Виленского военного округа генералу Ганецкому, который любил обедать среди офицеров, в офицерском собрании одного из полков однажды поставили тонкие закуски и шампанское в то время, как остальным офицерам - угощение попроще и вино худшего качества, генерал вызвал подпоручиков и посадил их на свое место, а сам пересел на другой конец стола, а после обеда устроил разнос командиру полка в присутствии высшего начальства. Начальник по представлению офицерства не должен был оказывать предпочтение одному из своих приближенных. В этом отношении весьма одобрительно воспринималось поведение одного из командиров корпусов, который никогда не отказывался от приглашения со стороны подчиненных, но, побывав у одного из командиров полков, считал необходимым на другой же день сделать визиты и всем остальным офицерам того же ранга [5].

Важнейшим воспитательным моментом для офицера было командование личным солдатским и унтер-офицерским составом. Офицерам строжайше запрещалось брать взаймы деньги не только у своих подчиненных, но и у всех нижних чинов вообще. Кроме того совершенно не допускалось совершать поступки, которые хотя бы косвенно могли бросить тень на порядочность русского офицера. В русской армии всегда хорошо помнили простую истину: для того чтобы иметь авторитет, командир сам должен быть нравственно безупречным. Один из военных писателей-офицеров вполне справедливо замечал: "Офицер, чтобы оправдать выдающееся свое положение, должен выдвигаться из толпы. До установления сословного равенства одна принадлежность к высшему сословию и блеск его положения уже доставляли ему почет и уважение. Ныне он может занимать то же положение только в силу редкого благородства своих побуждений и возвышенности нравственной природы. Офицеру необходимо выделяться теми нравственными качествами, на которых основывается личное величие бойца, ибо с ним связано обаяние над массой, столь желательное и необходимое руководителю" [цитата по: 3, с. 289]. В книге, адресованной офицерам, в 1830-е гг. говорилось: "Надобно покорять людей своей воле, не оскорбляя, - господствовать над страстями, не унижая нравственного достоинства, - побеждать сопротивления, не возбуждая покорности; но мы покоряемся всего охотнее истинному превосходству, душевным качествам, просвещенному уму, искусству привязывать к себе сердца; мы безропотно признаем власть, которая, наказывая проступок, уважает человека; мы беспрекословно покоряемся силе законов, независимой от произвола и прихотей. Влияние офицера должно быть основано не на одном мундире, но на нравственном превосходстве" [3, с. 289].

"Произвол и прихоти", оскорбления, а порой и рукоприкладство офицеров по отношению к солдату все же имели место в русской армии, особенно до 1904 г., когда были упразднены телесные наказания. Умалчивать об этом моменте было бы ошибочным. Но подобное совершалось отдельными, наиболее худшими, представителями офицерства, по действиям которых нельзя

судить о русском офицерском корпусе в целом. Совершенно справедливо отмечал А.И. Деникин: "Грубость, ругня, самодурство, заушение - да. Все это бывало в казарменном быту. Но ведь было, и гораздо чаще, другое: сердечное попечение, заботливость о нуждах солдата, близость, простота и доступность. Война сближала офицера с солдатом в особенности. Равенство перед смертью... не могло не оказать морального влияния. Так было в японскую, и мировую войну" [4, с. 129-130]. Далее генерал А.И. Деникин приводит случай из Русско-японской войны. "В японском плену находился раненый капитан Каспийского полка Лебедев. Японские врачи нашли, что можно спасти ему ногу от ампутации, прирастив пласт живого человеческого мяса с кожей... *Двадцать* (курсив А.И. Деникина) солдат, из числа находившихся в лазарете, предложили свои услуги... Выбор пал на стрелка 13-го Восточно-Сибирского полка Ивана Канатова, который дал вырезать у себя без хлороформа кусок мяса. Этот эпизод проник в японскую печать и произвел в стране большое впечатление. Ведь даже такое бывало на фоне дружного сожительства в походах и боях, в тисках неприятельского плена... Там - в тесной совместной жизни, там - в мокрых грязных окопах, под свист пуль и вой снарядов, на грани между жизнью и смертью - выковывалось истинное боевое братство" [4, с. 130]. Подобная солдатско-офицерская спайка бала важным воспитательным моментом в становлении нравственного облика офицера.

В годы Первой мировой войны состав офицерского корпуса резко поменялся, потомственный офицер, носящий погоны с кадетского корпуса практически исчез. Кадровые офицеры были выбиты в первые годы войны, поменялся и социальный состав офицерства. Но поскольку традиции воинского воспитания в военно-учебных заведениях не прерывались, нельзя сказать, что офицерство радикально изменилось по моральному духу и отношению к своим обязанностям. Подавляющее большинство офицеров продолжало гордиться своей принадлежностью к офицерскому корпусу. Один из офицеров военного времени вспоминал: "Подумать только - большинство из нас - народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне... станут "Ваше благородие"... Итак, свершилось. Мы - офицеры... Нет-нет да и скинешь глаз на погон" [11]. Подобные воспоминания красочно показывают, насколько уважаемо и значимо в обществе было звание офицера, даже в тяжелые годы войны.

Вплоть до 1917 г. престиж офицера в русском обществе оставался достаточно высок. В XX в. юридически и фактически офицерство уже не являлось как раньше самой привилегированной группой общества, но традиционно связанные с этой профессией представления о чести, достоинстве и благородстве навсегда остались принадлежностью ее и ее представителей. В отношении личного достоинства офицер по-прежнему стоял на недостижимой высоте, и такое положение в моральном плане никогда не оспаривалось.

Литература

1. Михайлов А.А. Обаяние мундира. История Псковского кадетского корпуса. Псков, 2004.
2. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2006.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
4. Деникин А.И. Старая армия. М., 2006.
5. Волков С.В. Идеология и мораль офицерского корпуса. // Ориентир. 1997. № 3.
6. Завещание генерала. // Псковская правда. 1999. 24-25 сентября.
7. Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003.
8. Михайлов А.А. Псковские кадеты в политических событиях начала XX века. // Псков. 1995. № 3.
9. Ильин И.А. О рыцарском духе. // Родина и мы. Смоленск, 1995.
10. Залевский М. Царские офицеры и русская культура. // Кадетская переключка. 1985. № 39.
11. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.